

Глава 1

Литература как рынок и литература как департамент. «Мечты и звуки»

1

Одно из наиболее известных событий, связанных с подготовкой Некрасовым к публикации сборника «Мечты и звуки», — его визит к В. А. Жуковскому, которого начинающий поэт посетил в начале 1840 года, непосредственно перед выходом книги, — не получило до сих пор должного освещения. В автобиографическом наброске 1872 года Некрасов так описывает этот эпизод:

В начале 40-го года я приступил к изданию привезенных стишков отдельной книжечкой. Имея ее еще в листах, пошел к Жуковскому в Шепелевский двор, близ Зимнего дворца. Он жил очень высоко. Вышел благообразный старик, весьма чисто одетый, с наклоненной вперед головой. Отдавая листы, просил его мнения. Сказано — прийти через три дня. Явился. Указано мне два стихотворения из всех, как порядочные, о прочих сказано: «Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи».

Не напечатать было нельзя, около сотни экземпляров Венецким было продано, и деньги я получил вперед. Книжечка вышла, автор скрылся под буквами Н. Н. Роздал книгу на комиссию; прихожу в магазин через неделю — ни одного экземпляра не продано, через другую — то же, через два месяца — то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах (13, 2, 46–47).

Сообщает Некрасов о визите к Жуковскому и в автобиографическом фрагменте 1877 года «Я помню себя с трех лет...»:

Я стал печатать книгу «Мечты и звуки». Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать, но Венецкий уже продал до сотни билетов кадетам, и деньги я прожил. Как тут быть! Да Полевой напечатал несколько моих пьес в «Библиотеке для чтения». В раздумье пошел я с своей книгой к Жуковскому. Принял меня седенький согнутый старичок, взял книгу и велел прийти через несколько дней. Я пришел, он какую-то мою пьесу похвалил, но сказал: «Вы потом похвалите, если выдадите эту книгу».

«Но я не могу не выдать» (и объяснил, почему). Жуковский мне дал совет: «Снимите с книги ваше имя».

«Мечты и звуки» вышли под двумя буквами Н. Н.

Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был *единственный* случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение.

Ответ, разумеется, был глупый, глупее самой книги.

Все это происходило в 40-м году. Белинский тоже обругал мою книгу.

Я роздал на комиссию экземпляры, ни одного не продалось, это был лучший урок. Я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические (13, 2, 58).

О визите Некрасова к Жуковскому сообщается и в других источниках, например в воспоминаниях С. Н. Кривенко¹. Во всех версиях, однако, причина, по которой Некрасов приходил к Жуковскому, остается неясной. Так, в фрагменте 1877 года говорится только о каком-то «раздумье», охватившем Некрасова: «Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать <...> В раздумье пошел я с своей книгой к Жуковскому». Совсем отсутствуют объяснения в записи 1872 года: «Имея ее еще в листах, пошел к Жуковскому <...> Отдавая листы, просил его мнения». Биографы Некрасова объясняют этот визит в духе, так сказать, высоких поэтических отношений: начинающий поэт идет за советом к поэту большому и опытному, выносит на его суд свои стихи. Так, версия Н. Н. Скатова заключается в том, что Некрасов хотел узнать мнение Жуковского о литературном достоинстве своих стихов: «В результате деньги на издание (сборника стихотворений. — М. М.) есть, но, видимо, что-то трезвое и умное все-таки свербило в молодом поэте. И, видимо, актом именно такой уже образующейся самокритики явилось неожиданное решение отправиться на суд большой литературы»². Очень по-восточному В. В. Жданов, по мнению которого, Некрасов пришел просить совета, издавать ли ему уже подготовленную к печати книгу: «Теперь юного автора начали мучить сомнения — издавать ли сборник? Положение осложнялось тем, что вырученные деньги были уже прожиты. После некоторых раздумий, не зная, как поступить и с кем посоветоваться, он внезапно решил отправиться к Василию Андреевичу Жуковскому, старому и зна-

¹ Кривенко С. Н. Из рассказов Некрасова // Литературное наследство. Т. 49–50. Некрасов. I. М., 1946.

² Скатов Н. Н. Некрасов. М., 1994. С. 47.

менитому поэту»³. Поскольку в сборнике «Мечты и звуки» содержатся подражания Жуковскому⁴, то, с точки зрения исследователей, для Некрасова естественно принести свои стихи именно на суд этому поэту.

Между тем в некрасовском рассказе присутствует ряд деталей, которые явно противоречат таким объяснениям. Во-первых, если Некрасов просил совета, опубликовать книгу или нет, то странно выглядит тот факт, что, независимо оттого, какой совет мог дать ему Жуковский, книгу «не печатать было нельзя», то есть его визит к нему не повлиял и не мог повлиять на решение опубликовать «Мечты и звуки». Во-вторых, если предположить, что Некрасов спрашивал мнения Жуковского о качестве своих стихов, то трудно объяснить то, что не отрицательный отзыв авторитетного поэта, но неудача у широкой публики убедила Некрасова «перестать писать серьезные стихи» и начать «писать эгоистические». Таким образом, если он пришел к Жуковскому с теми намерениями, которые ему приписывают исследователи, то этот визит был заведомо бесполезен и не нужен. Между тем, как резонно указали составители 13-го тома Полного собрания сочинений Некрасова, встретиться с Жуковским молодому начинающему поэту не было просто: чтобы представить свои тексты «на суд большой литературы», нужна была протекция, которой приходилось добиваться: «Визит начинающего поэта к В. А. Жуковскому вряд ли мог состояться без авторитетной рекомендации. Такую рекомендацию мог дать П. А. Плетнев <...> поместивший в своем журнале сочувственный отклик на книгу Некрасова» (13, 2, 424). Все это заставляет думать, что приведенные выше объяснения неверны и подлинная причина визита Некрасова к Жуковскому лежит в иной плоскости, отличной от отношений учителя и ученика, мудрого старца и неопытного юноши, и не сомнения Некрасова в качестве собственной поэтической продукции стали причиной встречи двух поэтов. В этой главе мы постараемся объяснить, для чего же Некрасов приходил к Жуковскому.

Время «петербургских мытарств» 1838–1840 годов — один из наиболее слабо документированных периодов в жизни Некрасова. Это заставляет исследователей жизни и творчества поэта этого периода использовать в качестве источника сведений о нем не только сохранившиеся документы и свидетельства, но и раннюю художественную прозу Некрасова (прежде всего, неза-

³ *Жданов В. В.* Некрасов. М., 1971. С. 33.

⁴ См., например: *Золотарев С.* Юношеское творчество Некрасова // Книга и революция. 1921. № 2.

конченный роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», работа над которым шла с 1843 по 1848 год, и рассказ 1840 года «Без вести пропавший пиита»). Автобиографичность этих произведений (особенно первого из них) не раз демонстрировалась исследователями Некрасова, в частности К. И. Чуковским, видевшим в лице главного героя «Жизни и пождений Тихона Тростникова» прямо портрет самого Некрасова⁵. Для нашей работы в романе и рассказе ценно не изображение реальных событий жизни поэта и реальных лиц, с которыми ему приходилось встречаться. В обоих произведениях обыгрывается та ситуация, в которой находился сам Некрасов в 1838–1840 годах. В том и другом тексте молодой провинциал с зародившимися дома поэтическими амбициями приезжает в Петербург делать литературную карьеру. По ходу сюжета его представления о литературе, сформировавшиеся в провинции, разрушаются под воздействием реальности, и он узнает, что такое литература на самом деле. Цели, которые связывают центральных персонажи с поэзией, их ложные и истинные представления о литературе отражают те цели и представления о литературе, с которыми Некрасов явился в столицу. Поэтому некоторые фрагменты «Без вести пропавшего пииты» и «Жизни и пождений Тихона Тростникова» могут помочь понять, чего добивался Некрасов, издавая свои «Мечты и звуки», и зачем ему понадобилось одобрение Жуковского.

2

По всей видимости, сборник «Мечты и звуки», содержащий в изобилии обращения к Богу, бичевание продажного, порочного мира, интимные лирические признания, жалобы на одиночество, непонятость жестоким и жадным до денег миром, был для Некрасова коммерческим проектом, от которого он собирался получить серьезную прибыль. В целом к своей литературной деятельности он относился как к источнику дохода, подобно Ивану Грибовникову, «без вести пропавшему пиите»: «Да, я хотел было поступить в земский суд, да наш уездный учитель, умнейший человек на свете, посоветовал мне поступить лучше в пииты; оно, говорит, и доходно и почетно» (7, 48). Тема денег как той цели, которую стремится достичь приехавший в Петербург молодой поэт, является сквозной в ранней некрасовской прозе: «Конечно, от доходов, буде оные случатся, я не отказываюсь, ибо состояние мое того не дозволяет. Но сие не важно суть, ибо всем известно, что

⁵ Чуковский К. Тростников — Некрасов (черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова) // Некрасов Н. А. Жизнь и похождения Тихона Тростникова. М.; Л., 1931.

Вальтер Скотт миллионы нажил писанием... Предположим, что не столь великое счастье мне поблагоприятствует, но пиит и половиною сего будет удовольствован...» — размышляет герой «Без вести пропавшего пииты». (7, 49–50). Тихон Тростников вполне определенно говорит о том, что, еще живя в провинции, смотрел на поэзию вообще и свою поэзию, в частности, как на средство достижения материальных благ: «По приезде в Петербург, не более как через десять дней, я надеялся иметь кучи золота и громкое имя» (8, 60). Еще более материалистически герой смотрит на литературу, уже приехав в Петербург (во второй части романа, имеющей заголовок «Похождения русского Жилблаза»):

Всеми помыслами души стремился я к литературной славе, к той славе, которая, по тогдашним понятиям моим, заключалась в громких похвалах, расточаемых тому или другому сочинителю в книжных лавках и кондитерских, да в торжественных вызовах, которые мне иногда удавалось подслушивать из театральных райков. Другого рода славы тогда я не знал. С завистью также смотрел я на красивые и удобные квартиры сочинителей, у которых мне случалось бывать. Иметь такую же квартиру, с письменным столом и этажеркой, с красивой библиотекой и полками, на которых бы в небрежном беспорядке разбросаны были раскрытые книги и рукописи, — словом, со всеми кабинетными принадлежностями записного литератора, казалось мне верхом блаженства (8, 153).

Указание на исключительно коммерческое отношение Некрасова также и к своему первому сборнику (хотя с целями и надеждами более умеренными, чем те, которые лелеяли некрасовские карикатурные двойники) было сделано библиографом А. Голубевым в вышедшей после смерти поэта отдельной книжкой биографии Некрасова. Эта биография, вне всякого сомнения, создавалась с ведома и при содействии С. И. Пономарева, работавшего в это время над изданием посмертного собрания сочинений Некрасова, и, что особенно важно, сестры поэта, очень близкой ему А. А. Буткевич⁶.

⁶ Цель издания брошюры обозначена как благотворительная — весь доход от продажи книжки должен был пойти на содержание сельской школы, которой покровительствовал Некрасов. Как распорядитель всех вырученных сумм указана А. А. Буткевич. С.И. Пономарев поместил в этой брошюре библиографический обзор литературы о Некрасове.

Голубев, вероятно, со слов Буткевич, утверждает: «В 1840 году он даже выпустил в свет собрание первых своих мелких стихотворений, под названием «Мечты и звуки» с подписью начальных букв имени и фамилии. Издание это было предпринято с единственною целью приобрести денег. Таким образом, самые первые проявления своего таланта Некрасову пришлось эксплуатировать на приобретение необходимых средств к существованию»⁷. Голубев и далее настаивает на том, что цели литературной деятельности Некрасова романтически-эпигонского периода были преимущественно прагматические: «В первых дебютах Некрасова на литературном поприще, дебютах из-за хлеба, в виде стихов «Мечты и звуки», нельзя отыскать определенной литературной физиономии»⁸. Однако если цель («слава» и «деньги») была Некрасову достаточно ясна, то на вопрос о том, какие средства нужны для ее достижения, судя по всему, у начинающего литератора не было однозначного ответа.

Очевидно, что, с точки зрения Некрасова, добиться этого было нельзя, просто стараясь писать лучше, чем другие стихотворцы. Бросается в глаза то, что в автобиографических произведениях Некрасова герои-начинающие поэты практически не размышляют о художественном качестве своих стихов. Тростников и Грибовников уверены не в своей талантливости, но, скорее, в том, что талантливость — незначимое для литературы понятие. Так, Грибовников доказывает свое поэтическое призвание преданностью поэзии: «Треволнения вселенной, коловратность мира сего — ничто! Неужели то, что я пожертвовал местом в земском суде, при коем, *окромя* прочих продуктов квартира, дрова, и свечи, для пиитики, не может служить *хотша* малым доказательством моей к оной наклонности?..» (7, 49). Для Тихона Тростникова показателем его права на звание поэта служит, сходство его стихотворений с любыми другими, попадавшимися ему в печати: «Я отвечал (книгопродавцу. — *М. М.*), что решительно не имею сношения ни с каким журналом и думаю, что мои стихи, если я не ошибаюсь, заслужат равное от всех журналов одобрение» (8, 90). В поздних автобиографических заметках Некрасов прямо говорит о том, что подражал всему, что попадалось в журналах, и именно подражание заставило его уверовать в свои поэтические силы: «А главное, что ни прочту, тому и подражаю. Так

⁷ Голубев А. Николай Алексеевич Некрасов. Биография, критический обзор поэзии. Собрание стихотворений, посвященных памяти поэта. СПб., 1878. С. 9.

⁸ Там же.

к 15-ти годам составила целая тетрадь, которая сильно подмывала меня ехать в Петербург» (13, 2, 57). Если же качество текстов, степень таланта никакой роли в литературе не играют, и для того чтобы называться поэтом, нужно любить поэзию и писать как все или как избранные для подражания образцовые поэты (в случае Грибовникова Третьяковский и Ломоносов), то известность (славу) и вытекающие из нее богатства должны приносить, скорее, какие-то нелитературные факторы (например, то, что имеется сейчас в виду под словом «связи»). Так, конечно, и думал Некрасов: как показывают приведенные ниже фрагменты, еще до приезда в Петербург у него сложилось представление о том, что поэзия — это не набор стихотворных текстов, но поле взаимоотношений между литераторами. Именно правильно построенные отношения с другими литераторами или литературными деятелями оказываются ключом к достижению славы и в конечном счете денег.

Какими же представлялись Некрасову в то время отношения между литераторами? Вероятно, как свидетельствует незаконченный роман, поначалу представления о литературной жизни у него были «идеалистические», «книжные», почерпнутые из самой литературы: «Я решительно не имел тогда никакого понятия о журнальных партиях, отношениях, шайках — я думал, что литература, говоря словами одного почтенного сочинителя, есть семейство избранных людей высшего сорта, движимых бескорыстным стремлением к истине и единодушно действующих на пользу родного образования; я думал, что литераторы (виноват — *сочинители!* — тогда еще слово «литератор» употреблялось весьма редко), как члены одного семейства, живут между собою, как братья, и если возникают между ними порою споры и противоречия, то не иначе, как за святость и чистоту прав науки и жизни, которым они служат в пользу. Я думал... мало ли что я думал?.. Потому, нисколько не думая, я пошел к первому журналисту, который жил ближе от моей квартиры» (8, 93). Обычно, именно исходя из подобных идеализированных представлений об устройстве литературного мира, и рассматривают биографы визит Некрасова к Жуковскому. Однако идеалы, как показывает некрасовский текст, не выдержали первого же столкновения с петербургской литературной жизнью.

В «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» на смену «идеализму» главного героя приходит видение им литературных отношений как рыночных, мало отличающихся от торговли любим другим товаром. В романе торговцами, обычными купцами предстают писатели в отношениях с книгоиздателями: «Одевшись, я взял тетрадь с своими стихотворениями и пошел на

Невский проспект. Я переходил из одной книжной лавки в другую, предлагая свои стихотворения, но везде получал один и тот же ответ: “Не надо-с”. Некоторые спрашивали меня, не имею ли я какую-нибудь известность и к которой партии принадлежу и на покровительство какого журнала имею надежду. Я отвечал, что решительно не имею сношения ни с каким журналом и думаю, что мои стихи, если я не ошибаюсь, заслужат равное от всех журналов одобрение. Приказчики двусмысленно улыбались и советовали мне предварительно напечатать несколько своих стихотворений в журнале, назначая каждый своего журналиста и жестоко порицая всех остальных» (8, 90). Эти отношения легко переносятся и на отношения между писателями, внутрь среды литераторов. Первый встреченный журналист (прототипом является Н. Полевой) даже внешне похож на купца или приказчика (в то время как купец внешне похож на министра): «Журналист, человек среднего роста, в зеленом халате, зелено-серых чулках и старых калошах, из которых проглядывали голые пальцы (чулки были тоже худые), при моем появлении вскочил с своего места и начал низко раскланиваться, как купец из-за прилавка; при каждом поклоне он делал несколько шагов в правую сторону и на половине четвертого поклона очутился наконец подле меня. Лицо его было желто как воск и худо, как скелет крысы; волосы, средней величины, были всклокочены, а глаза сверкали, как мне тогда показалось, огнем байроновского отчаяния» (8, 93). Содержание разговора с «толстым господином» также открывает спекуляторскую закулису литературной жизни: «Живет как барон, — говорил толстяк, — померанцы на кухне, квартира в шесть тысяч, лошади, люди, балы беспрестанно — а все из чего?.. Обманом, происком, надувательством... Разорил несколько книгопродавцев. Вот погодите, и Стуколкин скоро будет банкротом! Вспомните мое слово — он его упечет! Лупит с него по 15 тысяч за редакцию. Сам ничего не делает, выправит чужую статью, подпишет свое имя и сдерет вдесятеро! Все у него друзья-приятели. Чтобы угодить иному, купит дрянь какую-нибудь да и напечатает в журнале. А бедный Стуколкин отдувайся!.. Дрянь хвалит, сочинения образцовые — ругает... Шут, гаер, скоморох, а не литератор!..» (8, 94).

Не только роман, но и многие факты указывают на то, что сам Некрасов достаточно быстро узнал рыночную изнанку литературы. Избавившись от идеалистической иллюзии, он вступает в сферу коммерческих отношений, действуя вполне в духе рынка. Готовность торговать тем, что принесет быстрый коммерческий успех, в частности, отразилась в замысле писать оперу. Об этом говорит сосед Некрасова по квартире и соучастник его первых ком-

мерческо-литературных начинаний К. А. Данненберг в письме Н. И. Второву (17 октября 1839 года) вместе с упоминанием о плане Некрасова издать альманах: «В ноябре, я думаю, не позже, Некрасов пишет либретто, а я музыку, и к новому году опера «Испанка», блестящая нашими именами, выйдет в свет»⁹. То, как рано (уже в 1839 году) и энергично Некрасов погрузился в разнообразные коммерческо-литературные предприятия, характерные для низовой литературы (от переводов с неизвестного ему самому языка до продажи «гостинодворским молодцам» напечатанных «на листочках» «забавных стишонок»¹⁰), хорошо известно¹¹. Тем не менее поэт отчетливо осознает, что столь прямолинейно рыночные отношения — низкие и «грязные», постепенно сводящие поэзию до писания стихов по заказу на случай за небольшую плату (как это и происходит с Тихоном Тростниковым). Модель литературы как рынка, которую Некрасов будет признавать едва ли не единственно правильной в свой «журналистский» период (то есть период стихов «эгоистических»), противоречила тому образу поэта и поэзии, который создается в сборнике «Мечты и звуки», наполненном все-таки, по выражению Некрасова, «серьезными», «лирическими и вообще нежными произведениями в стихах».

Как кажется, избегающей таких резких диссонансов выглядела еще одна модель литературного мира, присутствовавшая в сознании Некрасова до приезда в Петербург и не оставленная им и во время первоначальной борьбы за существование. Это модель «покровительства», согласно которой литература представляется в образе своего рода департамента, где есть начальство и подчиненные, где делаются карьеры приблизительно теми же способами, как в департаментах, а значит, награждение выдается в зависимости от чина, установленного порядка и расположения начальства. Такая модель подразумевает понятие «протекции», которая может быть оказана только в том случае, если литератор пишет что-то, начальством одобряемое. Подобный взгляд на литературу представлен в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова». Отец главного героя наставляет его такими словами: «Ваша братья сочинители <...> большею частью люди беспокойные,

⁹ Цит. по: Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. № 1. С. 136.

¹⁰ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 229.

¹¹ См. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. СПб., 2006. С. 47–48.

можно сказать, даже вредные; ты не будь таким, Тиша; иначе я — отец твой — первый отрекусь от тебя и прокляну — ей-же-ей, прокляну! — а старайся в самых стихотворениях своих выказать себя с хорошей стороны, снискать расположение начальства» (8, 64). Тростников говорит о том, что не понимал, как можно стихами «снискать расположение начальства»: «Я решительно не понимал тогда, каким образом можно снискать “стихотворениями расположение начальства”, и потому не обратил на совет моего <отца> никакого внимания, хотя я обещал им воспользоваться. К чести своей, однако ж, прибавляю, что я не воспользовался этим советом и тогда, когда очень хорошо его понял: на совести моей нет ни одной патриотической драмы, ни даже небольшого стихотворения, наполненного возгласами и восклицаниями, очень хорошо известными господам, упражняющимся в изделиях такого рода» (8, 64). Однако же в дальнейшем герой действует вполне департаментски-бюрократическими методами и добивается именно благорасположения начальства: «Губернатор обласкал меня так, что я вообразил, что приобрел в нем, подобно Горацию, <...> своего мецената, от щедрот которого польется на меня золотой дождь. Вследствие того я решился поднести ему свои стихотворения; в одну ночь переписал я другой экземпляр и написал вступление, в котором называл губернатора отцом города, любимцем муз и просил его дозволить посвятить первые плоды моей неопытной музыки высокому имени его превосходительства, прибавив, что они оттого получат вдвое ценности» (8, 63).

Безусловно, уже в ранней некрасовской прозе такие представления о литературных отношениях высмеиваются как архаические, устаревшие, на что указывает, в частности, их принадлежность, прежде всего, отцам героев. Так, в рассказе «Без вести пропавший пиита» отец Грибовникова требует от журналиста выступить в роли уже литературного генерала, покровительствующего начинающему поэту: «Примите под свое высокое покровительство сего юного питомца муз, дабы он мог, под вашим крылом, вознестись до превыспренних высей Парнаса и на сладко бряцающей лире восхвалить ваши ему благодеяния...» (7, 48). На устарелость таких представлений о литературных отношениях указывает и сам пародийно архаический характер поэзии Грибовникова: «Он взял огромную тетрадь и подал мне: «Дактило-амфибрахо-хореи-ямбо-спондеические стихотворения» — стояло в заглавии <...> Нужно вам сказать, что сия тетрадь заключает в себе двадцать восемь отделов, кои все носят заглавия по названию того размера, коим трактованы» (7, 58). Грибовников, как и его отец, упоминающий в качестве образцового поэта «покойного Сумарокова» (7, 48), — носители

архаических представлений и о литературе, и о литературных отношениях. Сам Некрасов, однако, в начале своей карьеры часто действовал в соответствии с такими представлениями.

Соединение бюрократического и рыночного взглядов на литературные отношения можно видеть в письме Данненберга (12 декабря 1839 года) Н. И. Второву по поводу сборника «Мечты и звуки», который он стремился распространить по подписке в Казани через своих знакомых: «Стихи по напечатании с первой же почтой будут присланы. Не позже 1 1/2 месяц.<ев>. Постарайся, чтоб к 12 гевваря вырученные деньги были здесь. Если будет барыш, то долг мой пришлю тебе в скорости. Нет сомнений, что удача будет, потому что Некрасов со всеми главными журналистами в ладах»¹². Письмо, безусловно, отражает взгляды Некрасова, и утверждения Данненберга, вне всякого сомнения, сделаны со слов поэта. Здесь обращают внимание слова «главными журналистами». В них отразились одновременно наивность обоих молодых людей и их склонность мыслить стереотипами службы, департамента.

Следствием действия Некрасова в литературе по бюрократической модели можно считать его известную перепалку с критиком В. С. Межевичем, публично заявившим в рецензии (подписанной криптонимом «Л. Л.») на один из некрасовских водевилей: «В одно прекрасное утро является мне на квартиру молодой человек с книгою в руках, которую он просит принять меня как знак своего ко мне уважения и замолвить за него словечко в газете. Я принял его со всею ласкою, как обыкновенно делается в таких случаях, поблагодарил за внимание и обещал высказать со всем чистосердечием и снисхождением мнение свое о его стихотворениях, когда удосуужусь прочесть их. Молодой человек ушел. Раскрываю книгу, — на внутренней стороне обертки обыкновенная подпись: «Милостивому государю такому-то» и пр. Название книги „Мечты и звуки”»¹³. Некрасов отрицал это и частным образом (в письме Ф.А. Кони от 25 ноября 1841 года): «Мерзавец Межевич опять кругом наврал и может быть уличен. С стихами на поклон не только к нему, но и к другим журн<алистам> я не ходил» (14, 1, 41), и печатно в, вероятно, написанной им части статьи «Обзор прошедшего театрального года и новости наступающего» (Литературная газета, 1842, 26 апреля): «...Он (Межевич. — М. М.) очень наивно объявляет, будто г. Перепельский два года назад приходил

¹² Цит. по: Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. №1. С. 140.

¹³ Северная пчела. 1841. № 246. 3 ноября.

к нему с книжкой своих стихотворений, на которой было надписано: “Милостивому государю такому-то” и пр., и просил заступничества, называя г. Л. Л. хорошим журналистом и достойным уважения человеком. Г. Перепельский доводит до всеобщего сведения, что с книгой своей он не был ни у кого из журналистов, исключая двух лично знакомых ему и уважаемых им; у господин же Л. Л. быть он не считал нужным, книги ему ни с надписью, ни без надписи не давал. Правда, кроме двух упомянутых журналистов был еще г. Перепельский со своей книгой в редакции “Полицейской газеты”, но туда он приходил единственно затем, чтобы опубликовать о своей книге. Мы бы очень желали, чтоб г. Л. Л. в доказательство своего показания дал нам случай увидеть ту книгу с надписью г. Перепельского, которая будто бы поднесена г. Л. Л. автором. Можем уверить всех от лица г. Перепельского, что такой книги нет и не могло быть, потому что ни на одном из экземпляров, разосланных к журналистам г. Перепельским, надписи никакой нет» (11, 1, 310).

Несмотря на смело выраженную поэтом уверенность в том, что Межевич не смог бы представить книжку с его дарственной надписью, думается, что Некрасов не говорит всей правды. Сам факт визита к Межевичу (пусть и с другой целью) он признал, как признал и сам факт визита к двум оставшимся неизвестными журналистам. Обращает на себя внимание оттенок покровительственности, присутствующий в тоне Межевича: молодой человек, начинающий литератор, пришел к нему, кажется, просить не просто отзыва, но сочувственного отзыва, можно сказать, что пришел просить своего рода протекции, чем и воспользовался критик в своем выпаде. Межевич в то время вполне мог восприниматься Некрасовым как один из «главных» журналистов, способных оказать покровительство («заступничество», как он сам выразился в цитированной выше статье) начинающему поэту¹⁴. И до неудачи с Межевичем Некрасов искал и отчасти находил покровительство у П. Плетнева и Н. Полевого¹⁵.

¹⁴ К этому времени он работал в «Галатее», «Московском наблюдателе», вел «Театральную хронику Москвы» в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“». Известность и авторитет Межевича заставили А. А. Краевского в начале 1839 года пригласить его в качестве критика в «Отечественные записки», где его в середине года сменил Белинский. Об этом см.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 562.

¹⁵ См.: Вацуро В. Э. Некрасов и петербургские словесники // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 307–313.

Одним из шагов в рамках этой же стратегии начинающего поэта по поиску дружбы и покровительства «главных» литераторов, на наш взгляд, и является знаменитый визит к Жуковскому. Некрасова, судя по всему, не интересовало мнение старшего поэта, его оценка стихотворений. Для него Жуковский — не поэтический арбитр, чье суждение станет для молодого поэта приговором его таланту и решит судьбу книги. Выбор Некрасовым для своего визита именно Жуковского объяснялся, скорее, соединением в нем знаменитого, авторитетного поэта и крупного, влиятельного сановника¹⁶. В самом описании приема, оказанного им Некрасову, есть нечто напоминающее прием у генерала («Он жил очень высоко. Вышел благообразный старик, весьма чисто одетый, с наклоненной вперед головой. Отдавая листы, просил его мнения. Сказано — прийти чрез три дня. Явился. Указано мне два стихотворения из всех, как порядочные...»).

Есть и еще одна причина, обусловившая выбор Некрасовым именно Жуковского в качестве возможного покровителя. Незадолго до приезда Некрасова в Петербург (в 1837 году) Жуковский выступил в роли благодетеля А. В. Кольцова, оказав ему серьезные услуги, в том числе и в коммерческих делах¹⁷. Эта история, скорее всего, была хорошо известна Некрасову. Сам Кольцов, активно участвовавший в литературной жизни, не делал из покровительства Жуковского тайны, и о нем, безусловно, знали очень многие. Некрасов мог узнать об этом событии, например, от Краевского, издателя «Литературной газеты», в которой Некрасов как раз тогда же, в начале 1840 года, начинает публиковаться (печатает стихотворение «Дни благословенные» в январе 1840 года). Именно в письме Краевскому от 16 июля 1837 года из Воронежа Кольцов оценивает роль визита Жуковского в своей жизни как благодеяние: «Дай Бог ему доброго

¹⁶ Таким литературным сановником Жуковский предстает, например, в мемуарах И. И. Панаева. В них есть ироническое описание литературного возвышения А. А. Краевского в литературно-бюрократической иерархии, на вершине которой находился Жуковский: «Напечатать свое темное имя рядом с именами Жуковского и Вяземского почти все равно, что попасть из капралов прямо в генералы. Андрей Андреевич действительно с этих пор начал походить на литературного генерала». *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 127

¹⁷ Подробно история отношений Кольцова и Жуковского изложена в кн.: *Де-Пуле М.* Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878. С. 79–80, 90–94, 108–118.

здоровья. Я благоговел перед ним. Приезд Василия Андреевича в Воронеж много меня осчастливил. Не только кой-какие купцы, и даже батенька не верил кой-чему. Теперь уверились. И ничего, слава Богу»¹⁸. Мог Некрасов узнать об этом и от И. И. Панаева (с которым он познакомился в 1839 году¹⁹), хорошо знакомого с Кольцовым во второй половине 1830-х годов²⁰.

История с Кольцовым могла вдохновить начинающего поэта на попытку ее повторения еще и потому, что в ней многое легко проецировалось на самого Некрасова — бедного провинциала, порвавшего со средой, чувствующего поэтическое призвание и нуждающегося в поддержке со стороны влиятельных благодетелей. Схожи с кольцовскими и хорошо известные трудные отношения Некрасова с отцом. И то, что заступничество Жуковского переубедило до некоторой степени отца Кольцова (как сам Кольцов утверждает в цитированном выше письме), не верившего в то, что литература способна приносить какую-либо пользу, могло вызвать у Некрасова веру в то, что подобный результат будет достигнут и в его случае (и такой вариант развития событий обыгрывается в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова», где отец главного героя оказывается переубежден в своем негативном отношении к литературе именно благодаря благосклонности генерала к стихам Тихона).

Кроме того, отношения Жуковского и Кольцова отразились и в творчестве последнего. Некрасову, который подражал в этом сборнике в том числе и Кольцову, должно было быть знакомо и его стихотворение «Великое слово», опубликованное в 1838 году в 11-м томе «Современника». Это стихотворение посвящено Жуковскому. Некрасовская «Истинная мудрость» (1839), вошедшая в сборник «Мечты и звуки», имеет явные следы кольцовского влияния. Комментаторы 1-го тома Полного собрания сочинений и писем Некрасова видят в нем следы знакомства с кольцовскими стихотворениями «Человеческая мудрость (Дума)» (впервые опубликовано в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», 1838, 26 марта, № 13) и «Неразгаданная истина (Дума)» («Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1838, 9 апреля, № 15). Как кажется, в этом стихотворе-

¹⁸ Кольцов А. В. Сочинения. М., 1984. С. 202–203.

¹⁹ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. С. 40.

²⁰ Об отношениях Кольцова с Панаевым см.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 140–142.

нии отразилось и знакомство Некрасова с «Великим словом». Как и в указанных комментаторами стихотворениях, центральная идея «Великого слова» — непостижимость Бога и его промысла, его милости, его величия для человеческого ума:

«Да будет!» — и было,
И видим — и будет...
Всегда — без конца.
Кто ж он, всемогущий?
И где обитает?..
Нет Богу вопроса,
Нет меры ему!..²¹

Подобных выражений много в стихотворении Некрасова. Как и Кольцов, он говорит о непостижимости божественного провидения:

...Есть много таин во вселенной,
Ключи которых у творца.
<...>
Земным умом измерить бога,
Постигнуть тайны бытия, —
Нет, это дерзко, это много,
Нет, это доля не твоя!
Благоговеть пред мистицизмом
И был и есть удел людей... (1, 209–210),

уделяет внимание и бесконечному разнообразию его созданий:

Понятны ль дивные явления
В природе неба и земли,
Пути планет, миров движенья,
Буран, что топит корабли,
Утроба гор, что родит золото
Иль мещет пламень и пожар? (1, 209)

У «Великого слова» есть своя любопытная история, связанная с посещением Жуковским и Кольцовым художника Брюллова. Этот эпизод под-

²¹ Кольцов А. В. Сочинения. С. 99.

робно изложен в дневнике А. Н. Мокрицкого²². О нем Некрасов, скорее всего, не знал. А для читателя, не знакомого с реальной историей создания стихотворения, посвящение вполне может выглядеть как указывающее на взаимоотношения Жуковского и Кольцова, как покровителя и покровительствуемого, поскольку риторика обращения к Богу в данном случае напоминает риторiku обращения к благодетелю. В письме Кольцова Жуковскому можно увидеть образы и выражения, напоминающие те, что обращены к богу в стихотворении «Великое слово»: «Бывши мальчиком еще, уча наизусть ваши творения, душой сживаясь с ними, по ним любя всех вас, думал ли я в ту пору, что придет время: увижу вас, обласкан буду вами, и как обласкан! и что милый поэт России примет меня под свое покровительство, что в мутную пору матерьяльных обстоятельств примет меня под свою защиту и отведет от беззащитной головы страшную тучу, выведет из мрака моего забвения, укрепит доброе имя, даст другое мнение, лицо и жизнь: думал ли я когда-нибудь?»²³ Риторика, воспевающая дарение, непостижимую уму щедрость, искупление, творение из праха, действительно, делает фигуры Творца и Благодетеля неотлично сходными. Такой подтекст в стихотворении, воспевающим Бога, вполне мог различать Некрасов. Во всяком случае, посвящение кольцовского стихотворения Жуковскому могло указать Некрасову на то, что идеи и образы, подобные образам и идеям «Великого слова», должны быть приятны и близки тому, кому они посвящены.

Надо сказать, что утверждение Некрасова в поздних автобиографических заметках о том, что он подражал всему, что ни прочтет, представляется также недостоверным. Очевидно, что начинающий поэт, несмотря на свое эпигонство, поэтическую беспомощность, имел достаточно четкие критерии отбора того, чему следовало и чему не следовало подражать, проявлял чуткое и внимательное отношение к объектам подражания²⁴. Показательным примером является уже, впрочем, обсуждавшееся подражание Лермонтову в стихотворении Некрасова «Жизнь» (1839), также вошедшем в сборник «Мечты и звуки»:

²² См.: Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 322.

²³ Кольцов А. В. Сочинения. С. 252.

²⁴ Об эпигонстве как о поэтической системе, предполагающей в значительной степени сознательную работу с образцами, с высокой литературой, см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997. С. 98–119.

Из тихой вечери молитв и вдохновений
Разгульной оргией мы сделали тебя,
И гибельно парит над нами злобы гений,
Еще в зародыше все доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волнение
Обуревают нас, блаженства ищем мы,
А к пропасти ведет порок и заблуждение
Святою верою нетвердые умы.
Поклонники греха, мы не рабы Христовы;
Нам тяжек крест скорбей, дарованный судьбой,
Мы не умеем жить, мы сами на оковы
Меняем все дары свободы золотой...

<...>

За наслажденьями, по их дороге смрадной,
Слепые, мы идем и ловим только тень,
Терзают нашу грудь, как коршун кровожадный,
Губительный порок, бездейственная лень...
И после буйного минутного безумья,
И чистый жар души и совесть погубя,
Мы, с тайным холодом неверья и раздумья,
Проклятью предаем неистово тебя (1, 200–201).

Лермонтовские интонации здесь очевидны, зависимость некрасовского стихотворения от «Думы» (впервые опубликована в «Отечественных записках». 1839. № 1) не требует доказательств. Однако очевидны и различия. Некрасов исключает в своем подражании все «политическое» содержание и делает это вполне осознанно (даже если предположить, что наиболее конкретный — декабристский — подтекст ему непонятен). Острый политический протест заменяется абстрактным морализаторством. «Поколение», осуждаемое Лермонтовым за то, что превратилось в «перед властью презренных рабов», Некрасовым обличается за нежелание быть «рабами Христа». Неблагонадежный и опасный смысл заменяется благонадежным.

Столь же показательны то, как Некрасов в «Мечтах и звуках» использует пушкинскую «Вольность»²⁵, реминисценции из которой видны в стихотворении «Человек» (1838):

²⁵ Некрасов был знаком с ней, очевидно, по списку, принадлежавшему его отцу, — см. об этом: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 141–143.

Когда сверкнет звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды былых событий очи
Как будто видят наяву...

Я мыслю: где ты, век деяний
Царя великого Петра?
Где гений мира, гений браней
И славы русского орла?

И слышу голос: «Слоем пыли
Давно покрыт прошедший век,
И дань обычную могиле
Вовремя отдал человек!»

Обоих нет. Но память века
С ним закатилась навсегда,
А память славы человека
Горит и светит как звезда... (1, 191)

Из пушкинского текста Некрасов заимствует только второстепенный живописный образ, имитирует возвышенные интонации оды, но исключает все, связанное с самовластьем, законом, тиранией и прочим. И на это у него есть конкретная причина. «Вольность» Некрасов прочел в списке, как стихотворение запрещенное и даже опасное. Он же стремился видеть свои стихотворения в печати. В отличие от Пушкина и Лермонтова он ждал от поэзии не одной славы, но славы и денег, сочетания, по его тогдашним представлениям, невозможного без покровительства или хотя бы одобрения начальства. Как же можно достичь его, обращаясь дерзко к «царям» с поучением или обличая рабов перед властью?

Это намерение автора сборника «Мечты и звуки» быть приятным генералу, пусть и литературному, кажется, чутко уловил Н. С. Лесков, объектом едкой насмешки которого стала именно «Истинная мудрость». В сатирической книге «Загадочный человек» (1871) он в разгаре полемики с идейным врагом писал:

Но что уже совсем срезало Бенни, так это некоторые стихотворения столь известного поэта Николая Алексеевича Некрасова. Я говорю о тщательно изъяз-

той Некрасовым из продажи книжечке, носящей заглавие «Мечты и звуки». Я уберег у себя эту редкость нынешнего времени, и Бенни переварить не мог этой книги и негодовал за стихи, впрочем, еще не особенно несогласные с позднейшими мечтами и звуками г-на Некрасова. Таково, например, там стихотворение, в котором г-н Некрасов внушал, что:

От жажды знания плод не сладок
О, не кичись, средь гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец: без Бога прах твой ум!

Поэт, советуя «мудрецу» не упорствовать и не изнушать себя науками, пел:

Не жди, не мучься, не греши;
С мольбой возьмись за труд по силе,
Путь к знаниям верой освяти
И с этим факелом к могиле,
Всего отгадчице, гряди.

Поучая «мудреца» идти этою дорогою, г-н Некрасов был строг и сурово наказывал «мудрецу» даже не любить людей, которые думали бы иначе идти к «отгадчице»:

И разлюби родного сына
За отступленье от Творца!²⁶

Лесков сопоставляет эти стихи с знаменитой «Муравьевской одой»:

Поэтической просьбы же г-на Некрасова к графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, когда поэт боялся, чтобы граф не был слаб, и умолял его «не щадить виновных», Артур Бенни не дождался, да и, по правде сказать, с него уже довольно было того, что бог судил ему слышать и видеть.

Бенни во всей этой нечистой игре с передержкой мыслей не мог понять ничего...²⁷

²⁶ Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. Т. 3. М., 1957. С. 363.

²⁷ Там же. С. 363–364.

Лесков, сопоставляя позднюю «Муравьевскую оду» с ранней «Истинной мудростью», хочет сказать не то, что Некрасов резко изменил свои взгляды, но то, что он никогда не имел взглядов, всегда стремился только понять и воплотить в поэзии взгляды нынешнего начальства. И потому «Бог» его раннего стихотворения — это другое обличье «начальника», генерала, «его превосходительства», которому требуется угодить, чтобы на голову поэта пролился «золотой дождь». На наш же взгляд, в «Мечтах и звуках» просто в первый раз проявились присущие Некрасову с самого начала его литературной карьеры умение и готовность в своем творчестве ориентироваться на конкретного адресата, на конкретный тип читателя, учитывать его запросы, стремление «материализовывать» своего читателя.

Завершая, резюмируем наше понимание сути разбираемого эпизода. Отношения Кольцова с Жуковским легко проецировались и на жизнь Некрасова, и на его стихи. Видя себя в той же роли, что играл Кольцов, он вполне мог надеяться на повторение Жуковским роли покровителя. Именно добиваться покровительства и протекции Некрасов пришел к старшему поэту. Неудачу же плана, можно приписать просто слабости сборника «Мечты и звуки», стихи которого не понравились Жуковскому, несмотря на сходство с его собственными стихами и стихами Кольцова, к нему обращенными, а также несмотря на благонамеренные мысли, в них выраженные. Другая вероятная причина неудачи Некрасова — устарелость самой бюрократической модели, ее нерелевантность для современной литературной жизни.